

Подводя общие итоги, констатируем, что Дальневосточный регион в целом, как и входящие в него субрегионы, в течение изучаемого периода имел фундаментальное единство режима возобновления поколений: все параметры естественного движения населения соответствовали стандартам традиционного общества с его высокой смертностью, которая компенсировалась еще более высокой рождаемостью. В то же время выявляется и существенная разница между областями и поселенческими группами в конкретных диапазонах показателей, что можно объяснить различиями в социальном и половозрастном составе населения, а также социально-экономическими и социокультурными особенностями жизни. Наиболее высокие ежегодные показатели естественного движения населения – рождаемости, смертности и прироста – отмечались в Амурской области. Естественный прирост здесь чаще всего был выше 20 %, что знаменует ситуацию демографического «взрыва». На втором месте находилась Якутская область, Приморье отставало от обоих соседних регионов по всем параметрам до 1903 г., но затем по уровню естественного прироста уверенно обогнало Якутию.

В построенных нами диахронических рядах имеет место определенная устойчивость большинства показателей. Эпизодически случавшиеся более резкие годовые колебания (например, в 1900 и 1907 гг.),

связанные с воздействием эндогенных факторов – эпидемий, политических потрясений, имели неполную синхронность в субрегионах. Сравнение двух этапов (1897–1905 и 1906–1914 гг.) показывает, что с течением времени в Якутии и Амурской области рождаемость населения немного понизилась, а смертность – возросла, что привело к небольшому сокращению естественного прироста. Однако в целом по Дальнему Востоку естественный прирост обнаружил слабую тенденцию к увеличению, поскольку рождаемость немного повысилась, а смертность сократилась, и это соответствовало динамике показателей в Приморской области, население которой к концу изучаемого периода составляло более половины всех жителей региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими»: демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 2. С. 42–68.
2. Азиатская Россия : в 4 т. СПб., 1914. Т. 1.
3. Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: модернизация и традиционный образ жизни. Улан-Удэ, 2001.

Статья поступила
в редакцию 23.08.2012

УДК 94(47).083/084.3

Ю.М. ГОНЧАРОВ¹, В.Н. ФАРОНОВ²

ЛЮДНОСТЬ СЕМЕЙ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.*

¹д-р ист. наук,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул
²канд. ист. наук,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул
e-mail: yuriig@yandex.ru

В статье рассматриваются изменения в общей и детской лодности рабочих семей Западной Сибири в первой четверти XX в. В начале века наблюдалась тенденция сокращения размеров рабочих семей, сменявшаяся к 1920-м гг. временной тенденцией роста. Отмечается также уменьшение лодности детей. Причинами этого являются: постепенное ослабление экономической необходимости многодетности по мере уменьшения зависимости рабочих от сельского хозяйства; возрастающее участие женщин в производстве; неразвитость капитализма в Сибири и соответствующая этому относительно малая востребованность дешевого детского труда.

Ключевые слова: Сибирь, рабочие, семья, демография, лодность, дети.

Проблемы исторической демографии в последние годы привлекают все большее внимание отечественных исследователей, в т. ч. сибирских. Тем не менее, несмотря на активизацию историко-демографических

исследований, остается еще немало вопросов, которым историки уделяют недостаточное внимание. Одной из малоизученных проблем являются демографические процессы в семьях рабочих. Недостаток внимания к этой теме во многом связан с особенностями постсоветской историографии, одной из характерных черт которой можно признать резкое ослабление интереса к «истории рабочих». В данной статье авторы попыта-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00100а.

лись частично закрыть существующую лауну, обратив внимание на такой частный сюжет, как изменение людности рабочей семьи Сибири в первой четверти XX в., преимущественно на материалах Томской губернии (в административных границах до 1917 г.).

В ходе анализа людности рабочих семей Томской губернии, проведенного на материалах архивных фондов Барнаула, Новосибирска и Томска, была установлена близость семей рабочих к семьям мещан и проживавших в городе крестьян. Однако рабочие семьи уступали по величине количественных показателей семьям купцов, духовенства и крестьян, проживавших на селе [1, с. 330–331]. Исследование людности семей рабочих в исторической динамике позволило выявить здесь тенденцию к количественному росту. Так, если в 1901–1914 гг. средняя людность равнялась 3,1–3,8 чел. на семью, то в начале 1920-х гг. наблюдается ее значительное увеличение – до 3,6–4,6 чел. на семью.

Тенденция к количественному росту рабочих семей прослеживается и при рассмотрении показателя размера семьи. Так, до 1917 г. семей размером 1–5 чел. было 73,8–94 %, а в 1920-е гг. – 65,6–80,4 %. Вместе с тем увеличилось количество семей, состоявших из 6–10 чел.: с 6–24,6 % в начале века до 17,2–33,8 % в начале 1920-х гг. Это в целом соответствует отмеченному выше росту людности семей в 1920-е гг. Однако количество семей, состоявших из более чем 10 чел., снизилось соответственно с 0–1,6 % до 0–0,7 %¹, что явилось, пусть и малозаметным, признаком продолжавшегося становления малой семьи.

Увеличение размеров семей рабочих объясняется прежде всего ухудшением жизненных условий, вызванным Гражданской войной и политикой «военного коммунизма», а также значительным притоком в ряды рабочего класса крестьян. Поэтому характеристика увеличения людности семей рабочих в начале 1920-х гг. по отношению к тому же показателю дореволюционного периода вряд ли может служить основанием для вывода о регрессе в развитии семьи.

Совсем иная ситуация складывается при рассмотрении показателя людности детей. Средняя людность детей в рабочих семьях составляла 1,3–2,3 чел. Это соответствует средним показателям городской семьи: например, в Бийске в 1862 г. – 2,26 чел., в Тобольске в 1897 г. – 1,86 чел.² Следует отметить некоторое снижение количества детей в рабочих семьях в 1920-е гг. относительно начала века. Так, если в 1901–1913 гг. людность детей колебалась между 1,3 и 2,3 чел., то в 1920–1923 гг. этот показатель составлял 1,8–1,9 чел.³

¹ Подсчитано по: ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736; Ф. 10. Оп. 1. Д. 555; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 135; ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 136, 327; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 101, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123; Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 206; Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 801–823, 950–1001.

² Подсчитано по: ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 761; ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1–38.

³ Подсчитано по: ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736; Ф. 10. Оп. 1. Д. 555; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 135; ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 136, 327; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123; Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 950–1001.

Таким образом, выявляется факт противоречивого демографического развития семей рабочих: с одной стороны, наблюдается укрупнение семей, а с другой – значительное снижение людности детей. Если первое, как пояснялось выше, стало следствием адаптации населения к экстремальным условиям существования и было временной тенденцией, то второе представляло собой уже одну из основных тенденций трансформации рабочей семьи при переходе от аграрного к индустриальному типу общества.

Основной причиной снижения людности детей в рабочих семьях следует признать снижение экономической целесообразности многодетности по мере того, как основным источником существования становился наемный труд, а не домашнее хозяйство, в котором востребованность труда детей была достаточно велика. По этому поводу историками отмечалось: рабочие, подобно крестьянам, «также тесно были связаны с землей, но это определялось в первую очередь попытками улучшить свое материальное положение, получая собственные продукты питания. Многие из городских рабочих имели собственные дома, усадебные участки, скот, летом заготавливали сено» [2, с. 265]. О вспомогательном характере сельскохозяйственных занятий для сибирских рабочих говорится и в коллективной монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период». В частности, приводится такой пример: «...когда в 1897 г. закрылся сахарный завод Гусевых в Минусинском уезде, то его работники оказались в бедственном положении, так как труд на заводе и свекловичных полях представлял главный источник их доходов» [3, с. 196].

Однако недооценивать связь рабочих с землей также представляется неверным. Так, в вышеназванной работе отмечалось: «Предприниматель, учитывая эту связь работника с землей, снижал заработную плату... работник довольствовался ею, рассчитывая на сельскохозяйственное подспорье. Такая взаимосвязь консервировала на долгое время переходное состояние массы рабочих, задерживая их социальное развитие» [3, с. 305]. А если еще учесть сезонность работ большинства предприятий, то зависимость многих рабочих от земли предстанет еще более обостренной.

Основная же масса рабочих вообще не имела никакого домашнего хозяйства, а часто и собственного жилья. Домами по преимуществу владели бывшие мастеровые и крестьяне, работавшие на предприятиях в сельской местности, а также некоторые из мещан, имевшие либо дома, либо доход, достаточный для снятия квартиры [4, с. 110–111]. В качестве примера можно привести потомков мастеровых, проживавших в районе бывшего Барнаульского сереброплавильного завода и ставших рабочими частных промышленных заведений. Как правило, они занимали отцовские и дедовские дома, имели приусадебные участки и скот [5, с. 286].

Совсем другим было положение пришлых рабочих: они вынуждены были снимать комнаты либо довольствоваться жильем, которое предложит хозяин. Б.К. Андрющенко пишет: «Жилье сибирских рабочих было типичным для дореволюционной России: общие казармы для одиноких, с закутками для семейных;

квартиры и углы, сдаваемые в наем; собственные дома; производственные помещения, которые в ночное время использовались для сна» [4, с. 111]. Можно привести конкретные примеры. Так, в 1912 г. только 23,3 % рабочих, трудившихся в булочных мастерских Томска, имели отдельные помещения для жилья, прочие же спали непосредственно в рабочих помещениях, многие – на столах для теста и на мешках с мукой. В фабричных бараках жили в конце XIX – начале XX в. рабочие винокуренных заводов Платонова под Бийском, Юдалевича в Мариинском округе, Чердынцева там же, каинского купца Шкroeва, салотопенного и мыловаренного завода Жернакова в Кольвани, паровой мельницы Рудзинских в Новониколаевске и др. [5, с. 287–288].

В целом жилищно-бытовые условия рабочих оставались в основном весьма тяжелыми, хуже, чем в Европейской России. Оставались они тяжелыми и в дальнейшем. Например, в Барнауле в 1924 г., согласно «Квартирным картам всесоюзной городской переписи», из 682 обследованных 1–2-комнатных квартир рабочих в 96 (15,3 %) жили по две семьи, в 17 (2,7 %) – по три, в двух (0,32 %) – по четыре, и в одном случае (0,16 %) вместе жили сразу пять семей. В.А. Скубневский отмечает, что в 1925 г. в Барнауле неудовлетворительными жилищные условия были у 52 % рабочих, а у 43 % единственная комната служила и кухней [5, с. 290].

Другим фактором снижения рождаемости в рабочей среде становилась все большая вовлеченность женщин в трудовую деятельность. Так, по данным переписи 1897 г., в Сибири в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и в прислуге женщины-работницы составляли 25 % от общего числа рабочих. В обрабатывающей промышленности доля женщин среди всех сибирских рабочих составляла 9,1 %. Среди горнорабочих женщин было 8,5 %; на винокуренных, пивоваренных и некоторых других предприятиях в 1905 г. – 13,5 %; на спичечных предприятиях – 38,1 % [3, с. 199]. В 1914 г. на предприятиях Сибири, подчиненных контролю фабрично-заводской инспекции, женщин было уже 16,6 % от общего числа рабочих [2, с. 282]. При отсутствии детских дошкольных учреждений (яслей, детских садов), социального страхования, квалифицированной врачебной помощи женщина-работница была поставлена в такие условия, при которых она предпочитала уклониться от своих материнских функций.

Однако нельзя не отметить и того, что в период развития промышленного капитализма наблюдались высокая рождаемость и значительный прирост населения – как в Европе, так и в России [6, с. 73]. Это было связано в первую очередь с тем, что развивающееся производство необычайно высоко подняло спрос на детский труд. По этому поводу демограф Б.Ц. Урланис писал: «Так как операции промышленного рабочего, поставленного у какого-нибудь станка, не требовали большой физической силы, то появилась возможность использовать труд детей... Этим капиталисты очень скоро воспользовались, и тысячи детей были привлечены на фабрики, работая до изнеможения за нищенскую плату. Подобный широкий спрос на детский труд при-

вел к тому, что содержание детей родителям несколько облегчалось» [7, с. 406]. Таким образом, детский труд стал приносить выгоду также родителям детей. Рост людности детей в данный период отмечался практически во всех европейских странах [8, с. 205].

Нельзя и уменьшать значение детского труда на производстве для семейного бюджета рабочих. В этой связи интересен приводимый Б.К. Андриющенко факт: «Когда на Тельменской фабрике было издано распоряжение об удалении с производства детей рабочих, то оно не было выполнено, поскольку “отцы нашли в нем прямое посягательство на уменьшение их заработков”» [4, с. 105]. Тем не менее показатель удельного веса детей среди рабочих Сибири был относительно низким. По данным переписи 1897 г., в Западной Сибири детей до 15 лет среди рабочих было только 3,8 % [9, с. 105]. Правда, в дальнейшем их число увеличивалось и в 1914 г. их удельный вес в целом по Сибири составил 12,6 % [10, с. 85].

Подводя итог, мы можем определить основные процессы демографического развития рабочей семьи Томской губернии, исходя из анализа количественных показателей людности и размеров семей, а также людности детей, следующим образом: 1) в начале XX в. наблюдалась тенденция к сокращению размера рабочих семей, сменившаяся к 1920-м гг. временной тенденцией к росту этого показателя; 2) отмечается также тенденция, но уже поступательная, без регрессий, к уменьшению людности детей. Причинами этого являются: постепенное исчезновение экономической целесообразности многодетности по мере уменьшения зависимости рабочих от сельского хозяйства; возрастающее участие женщин в производстве; неразвитость капитализма в Сибири и соответствующая этому относительно малая востребованность дешевого детского труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фаронов В.Н. Рабочая семья Томской губернии 1900–1920-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: VI науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2007. Ч. 1.
2. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Барнаул, 2003. Ч. 1.
3. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
4. Андриющенко Б.К. Экономическое положение рабочих обрабатывающей промышленности Сибири в пореформенный период // Из истории Сибири. Томск, 1998.
5. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 1991. Т. 1.
6. Араловец Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003.
7. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941.
8. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX в.). М., 1997.
9. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1981.
10. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск, 1991.

Статья поступила
в редакцию 26.08.2012